

Павел Брычков

Рождественский подарок

Поезд, заиндеветший и облепленный по низу вагонов сосульками, прибыл на станцию около полуночи. Николай с облегчением вышел из полупустого плацкартного вагона, подвигал плечами, разминая уставшее от суточного лежания тело, и зашагал к концу платформы, за которой была тропинка, выведившая на окраину, где жила с мужем старшая сестра Анна. Перед выкрашенным в голубой цвет деревянным вокзалом горели два фонаря, и в их свете мельтешили радужные иглы изморози.

Тропинка утопала в свежем снегу, да и весь поселок, казалось, по самые крыши был засыпан снегом. Он спустился с насыпи, поднял голову и невольно остановился, засмотревшись на ясное звездное небо. Такого неба он не видел уже несколько лет – город отбирает у человека звезды. Любуясь мерцающим хрустальным крошевом, он вдруг увидел себя с высоты: одинокого, заброшенного человека в огромном заснеженном мире...

Ему не пришлось долго стучаться, сестра вышла почти сразу.

– Вот так гость! – обрадовалась она и, глядя снизу вверх, протянула брату шершавую ладошку. – А я только квашонку поставила. Завтра шанег напеку... Иван, Коля приехал! – сказала заспанному, только что поднявшемуся мужу, когда они вошли в дом.

– Здорово, Никола! – пожал руку Иван, и Николай с горечью отметил, как они сильно постарели за последние три года. Два года назад пропал у них сын Виктор, поехал за товаром в Москву и не вернулся. “Челноком” был.

– Ой, седины-то сколь прибыло! Ведь на пятнадцать лет моложе нас! – всплеснула сестра руками, когда Николай снял шапку.

– Ладно тебе, – одернул Иван, – по годам выглядишь! Ты, Никола, перекуси да спать ложись. Устал, поди, с дороги! Выпьешь маленько?

Николай отказался.

– Ну ладно, утром поговорим, пойду спать...

Сестра разогрела на электроплитке суп, налила тарелку и робко спросила:

– Коля, так в общежитии все и живешь?

Николай молча кивнул. Сестра горестно вздохнула:

– И чего так нашей родове не везет! У нас милый сын сгинул, убили, видать, где-то... – всхлипнула она. – И ты учился, учился, думала, хоть один из нас счастливый будешь, а тоже под конец жизни ни семьи, ни богатства... Мне твоя Нинка сразу не понравилась, мог бы и лучше найти, вон сколь девок по тебе убивалось!

– Анна, дай человеку спокойно поесть, иди спать! – крикнул из спальни Иван.

Сестра смахнула слезу и ушла, сказав, чтоб он лег в комнате Виктора.

Не спалось. Его пригнали сюда тоска и одиночество, мучившие в последнее время так, что, казалось, он взорвется изнутри. Хотелось выть от нежелания идти в пустую комнату заводского общежития, которую он с превеликим трудом выбил два года назад после развода с женой. Хотя совсем чужими они стали на три года раньше, когда открылась случайно явная неверность жены. Он не мог прийти в себя. Но факт остается фактом: пока он мотался в командировки по Байконурам, жена изменяла ему. В молодости казалось, что он может убить за такое, а не смог даже ударить. Как не смог и уйти сразу. Из-за сына. Думалось, если он будет рядом с сыном, то не вырастет, как дочь, – чужой пустышкой. Три года терпел. Но после нескольких омерзительных ссор при сыне решил, что лучше все-таки уйти. Раз-два в неделю сын приезжал к нему в общежитие. Но в последние месяцы Андрей, угловатый пятнадцатилетний подросток, стал избегать его, и жизнь как-то сразу лишилась всякого смысла. Все распалось: семья, КБ, государство... Хотя он и сопротивлялся этому распаду.

Президентский переворот застал его в Москве, где он был в командировке, и он сразу

пришел к Дому Советов, хотя и считал, что депутаты сами во всем виноваты, сами взрастили это несчастье для страны. Он не мог простить с преступной легкостью отданные русские земли, не мог простить того, что у них в аэрокосмическом объединении такие стенды, такие технологии были разрушены, в каких американцы отставали на десять-пятнадцать лет...

Он был ранен в плечо на первом этаже почти сразу после начала штурма. И, может быть, остался бы там навсегда, если б не бывший полковник Советской Армии, не побоявшийся выйти с белой тряпкой из подъезда и сумевший отправить на машинах несколько десятков раненых. Почти месяц провалялся в клинике. А когда услышал и увидел, как депутаты полезли в выборы на крови, дал себе слово никогда не участвовать в политике.

Дом сестры был тем единственным местом, где он всегда отдыхал душой. Но на этот раз он, кажется, зря приехал: в доме витал дух распада, дух горя. Однако и оставаться в городе и сидеть без дела месяц, на который их отправили в административный отпуск, было невыносимо...

Его разбудил приятный запах, напомнивший далекое детство. Сестра достала из печи лист с картофельными шаньгами и, обмакнув куриное крыло в масло, смазывала их золотисто-поджаристые корочки.

– С Рождеством тебя, Коля! – сказала она, увидев, что он встал.

– А, точно, сегодня же седьмое, и вас тоже!

– Уже двенадцать почти. Мы к соседям на часок сходим в гости, вчера пообещались, а после у нас посидим. Ты тут стряпню ешь, пей чай, с травами, какой любишь... Коля, я за зверобоем на чердак полезла, письма твои нашла, погляди.

– Какие письма?

– Да тюменских девчонок твоих, – подала она ему пачку писем в старом полиэтиленовом пакете.

– Вместо рождественского подарка, что ли? – шутливо проворчал Иван, уже собравшийся идти. – Одевайся скорей!

– На подарок-то на нашу пенсию не разбежишься! Не надо, так можно сжечь.

Николай оставил эти письма у сестры после института, когда уезжал по распределению, и забыл о них. И сейчас с любопытством достал из крайнего конверта письмо со знакомым, детски ровным почерком. “Здравствуй, Николай! Письмо твое получила. Честно говоря, не очень верилось, что ты его напишешь. Сейчас мне кажется, что я никуда не ездила, а это был только приятный сон. А было тебе с нами хорошо потому, что мы самые простые девчонки и совсем не красивые. Это просто показалось, ведь было темно и душно...”

Он даже растерялся от охватившего его внезапно волнения и нахлынувших воспоминаний. А ведь прошло уже двадцать пять лет!

Да, в переполненном плацкартном вагоне тогда было сумрачно и душно. Он, студент третьего курса, ехал на зимние каникулы. Билетов не было, и он уговорил проводницу взять его без билета. Но едва поезд тронулся, нагрянули ревизоры, и ему пришлось спастись в вагоне-ресторане, где он просидел часа два, выпил немного сухого вина. Может быть, это и помогло ему преодолеть свою извечную тягостную застенчивость, из-за которой не ходил даже на танцы, устраиваемые в общежитии. Вернувшись в купе, он увидел за столиком большеглазую красивую девушку, легко заговорил с ней, познакомился. “А это моя сестренка Галя”, – указала Светлана на девушку, сидевшую напротив в тени верхней полки. Когда он начал показывать карточные фокусы, Галя облокотилась на столик, выдвинулась на свет, и он буквально обомлел – куколка да и только! Она была красива той мягкой красотой, которая всегда привлекала его, но казалась недоступной. Но в тот вечер он был в ударе. Да и новый японский свитер с разноцветной широкой полосой на груди – подарок сестры – наверное, кое-что значил! И когда через пять часов он вышел на своей станции, в кармане у него лежал их адрес. К тому же он обещал Гале (именно Гале, подчеркнуто Гале), что приедет к ним в Тюмень, хотя до этого ни разу за Уралом не был...

Он прочитал несколько писем от Гали, и ему показалось, что по комнате пробежал свежий весенний ветер и коснулся теплом его лица. Следующим в пачке было письмо от Светланы. “Здравствуй, Колюша! Я тебя с разбегу начну ругать. Просто противно слушать, как здоровый парень, хороший парень на глазах киснет! Нервы нужно беречь, и крепче держать их в руках, Коленька! Постарайся их держать в руках, хорошо? Ну вот, и договорились! Милый Коля, ну почему ты решил, что вы с Галчонком не пара? Вы даже очень подходите друг другу, и в том, что вы не вместе, виновата только она...”

Неужели так писали ему! За двадцать лет жена умудрилась ни разу не назвать его по имени, не то что ласково “милый”, а в разговоре с подругами неизменно говорила “мой” или “мой Сазонов”... Но это письмо Светланы было позднее, до этого было еще много писем.

Он разложил письма по штемпельным датам по порядку и стал читать одно за другим. Тогда в одном из своих писем он намекнул, что может приехать, и получил от Гали вот это письмо. “Николай, мне очень хочется, чтобы первого мая у меня был тройной праздник: во-первых, это сам праздник, во-вторых, тридцатого я сдаю последний экзамен в училище, а в-третьих, это твой приезд. Мне очень хочется тебя видеть. Может быть, потому, что я стала забывать тебя, не знаю. Ты обязательно приезжай! Я представляю, как ты удивишься, увидев меня. Потому что я совсем еще девчонка, мне не дают даже шестнадцати лет, просто в темноте люди кажутся взрослее... А насчет “идеала”, ты постарайся, чтобы я сказала себе: “Да, он похож на мой идеал”. Смешно будет, если мы разочаруемся друг в друге...”

Он сдержал свое слово и приехал к ним. И уже через несколько часов заметил, что Галя избегает его. Так, что вечером даже их мать, которой, как выяснилось позднее, он понравился, не выдержала: “Что-то не пойму, Николай к Аленке приехал, что ли?”

Младшая сестра, третьеклассница Аленка, весь вечер ластилась к нему, садились на колени, и глядя в глаза, с серьезным видом задавала вопросы. Чувствовалось, что девчонке не хватает отца, который умер пять лет назад.

Лишь на следующий день он остался с Галей один и напрямую спросил, в чем дело. “По письмам ты мне понравился, но ты...” – она замялась, а он закончил: “Не похож на твой идеал?” – “Ну, можно сказать и так”. Он схватил сумку и собрался уходить. Галя уговаривала остаться, подождать Светлану и мать, потом даже загородила собой дверь, не отпуская. Он горько усмехнулся и твердо сказал: “Галя, я не могу остаться”. Она проводила его на вокзал и два часа, пока они ждали поезд, лепетала какие-то утешительные слова. Тогда ему показалось, что ей было приятно, что он так переживает.

А он полгода не находил себе места. Забросил учебу... Было два письма от Светланы, в первом она попеняла за то, что он уехал не простившись, в другом писала об учебе в техникуме, о своих друзьях... Осенью он не выдержал и написал Гале письмо. Каково же было его удивление, когда увидел уже через день на столике, где раскладывали общежитскую почту, конверт с ее почерком. Это был, конечно, не ответ. По совпадению она тоже написала ему и сообщила, что собирается на Новый год ехать к дяде в Йошкар-Олу, что в Казани у нее пересадка, просила показать город и купить заранее билет... Он написал ей восторженное письмо, пустив в ход все красноречие, на какое был способен. Снова между ними завязалась переписка. В одном из писем она просила сознаться, что у него все прошло. Но он горячо разуверил ее и впервые написал, что любит ее.

Она приехала перед самым Новым годом. Ночевала в общежитии у девчонок из его группы. А весь следующий день они пробродили по городу, по парку, где стояла большая наряженная елка. Перед отъездом на вокзал зашли в его комнату.

Ребята деликатно удалились. Он попытался было ее поцеловать, но она остановила: “Коля, нам надо поговорить” – “О чем?” – “Дело в том, что ты очень, очень нравишься Свете!” Он растерянно пробормотал: “Ну и что?..” – “Теперь все будет зависеть от тебя!” – с нажимом произнесла она и внимательно посмотрела на него. А он, все так же пребывая в растерянности, помолчал и затем сказал, что напишет ей обо всем.

Даже сейчас ему трудно объяснить себе, почему он не проявил никакого усилия, не воспользовался данным ею шансом. Он написал ей, что она прелестное создание, но они не пара и... стал переписываться со Светланой. Но переписка эта скоро сошла на нет.

Николай начал было читать ласково-шутливые письма Светланы, но вспомнил, что от Гали было еще одно письмо. “Неужели потерялось?” – начал он лихорадочно перебирать конверты. Нет, вот оно. В этом письме она единственный раз назвала его не Николаем, а Колей. “Здравствуй, Коля! Здравствуй, взрослый мальчик! Да, да, ты еще совсем малютка, хоть и старше меня на пять лет. Я пишу тебе прощальное письмо, и ты не найдешь в нем описания того, что я испытала, получив твое последнее письмо. Ты сделал выбор, а значит это судьба. Мне всегда казалось, что у меня будет несчастливая любовь, поэтому я не люблю романов, где плохой конец (видишь, какая я тоже еще глупая девчонка!). Мне кажется, любовь дается в жизни не всем, что это какая-то награда человеку. И я уверена, мой добрый взрослый мальчик, что ты достоин ее. У тебя все будет нормально в жизни и любви, потому что я этого хочу! А еще я хочу, чтоб ты иногда вспоминал меня. Прощай, и обязательно будь счастлив. Галя”.

Он, не плакавший с детства, пока читал письмо, трижды освобождал глаза костяшками согнутых пальцев от наплывов слез. А когда перечитал еще раз, внутри у него будто что лопнуло. Он ткнулся лбом в рукав и зарыдал, не сдерживаясь.

И почти сразу почувствовал страшное облегчение. Будто все, что он носил последние годы в себе, прорвалось и выходило со слезами. И чувствуя, как душа освобождается от грязной накипи жизни, и понемногу успокаиваясь, стал убеждать себя: “Нет, в сорок пять еще не конец жизни... Еще не конец”. И чем легче становилось ему, тем больше верилось, что это так и есть.